

Жанна ЮША

Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика

Автор тува поэзиясының құрылымдық ерекшеліктері туралы айта келе көршілес бұрыт, хакас, якут, монгол халықтарының фольклорлық олеңдерімен ұқсастығының негізі гасырлар бойы жинақталған гүрынтық, діни, салт-дәстүр негізінде жатқандығын жан-жақты дәлелдеуге тырысады.

Yazar, makalesinde Tuva edebiyatı nazım kuruluşu özelliklerini dile getirerek, Tuvalıların komşu Buryat, Hakas, Yakut ve Mongol halklarının folklor edebiyatındaki şiirler ile benzerlik olmasının sebebini yüzyıllarca yaşanan ortak örf, adet ve dinî anane ışığında ispatlamaya çaba göstermiştir.

Одной из важнейших задач сибиреведения является комплексное изучение обрядовой культуры в рамках междисциплинарного подхода - фольклористики и этнографии. Статья посвящена исследованию обрядовой поэзии тувинцев, ее структуры и семантики.

В духовной жизни сибирских народов, в том числе у тувинцев, сохраняются веками устоявшиеся обряды. Определяющую роль в их проведении играет словесное оформление, часто имеющее поэтическую форму. Обрядовая поэзия, складываясь и отшлифовываясь в течение многих столетий, донесла до нас бесценные свидетельства народного мировосприятия, взгляды предков на природу и попытки воздействовать на нее силой слова. Она является составляющей традиционной культуры, одной из этнических характеристик, сохранившейся до наших дней и бытующей наряду с явлениями современной цивилизации.

Несмотря на это, обрядовый фольклор тюркоязычных народов Сибири мало изучен в силу сложившихся в советское время идеологических установок, связанных с религией и традиционными верованиями, вследствие сложности самого обрядового комплекса, а также в связи с архаическими проявлениями в обрядах, трудно поддающимися пониманию. Все это и обусловило маломселдованность обрядовой поэзии, с чем ныне столкнулись фольклористы. Многие в ней остаются не выясненным и спорным, требующим дополнительного изучения.

В тувинской фольклористике приоритетным направлением до нынешнего времени остается изучение эпических жанров. Обрядовая поэзия же представлена лишь в немногих этнографических работах, главным образом в контексте рассматриваемых авторами проблем. Между тем обрядовый фольклор тувинцев представляет собой сложный и многогранный комплекс, включающий в себя слово, музыку и действие. Однако в тувинской фольклористике не разработана теоретическая база изучения обрядовой поэзии, не выявлена взаимосвязь фольклора и обряда. Также незначительно и число опубликованных текстов обрядовой поэзии. Изучение обрядов и обрядовой поэзии как уникального архаичного пласта народной культуры позволяет приблизиться к пониманию всей

системы традиционного фольклора, проследить мифологические истоки верований и культов. Разработки по обрядовой культуре могут в дальнейшем послужить также сохранению исторической памяти народа, его духовных ценностей и национальных традиций.

Все вышесказанное объясняет тот факт, что научное осмысление, изучение и анализ произведений обрядовой поэзии выдвигается в ряд наиболее актуальных проблем тувинской фольклористики. Репрезентативное исследование данной проблемы возможно лишь при комплексном изучении обрядовой культуры с позиций междисциплинарного подхода – фольклористики и этнографии, так как обрядовый фольклор представляет собой сложное полифункциональное явление в культуре тувинского этноса.

У тувинцев, как и большинства тюркских народов Сибири (алтайцев, хакасов, якутов и т.д.), терминология жанров обрядовой поэзии является многозначной. В народной терминологии тувинцев все произведения обрядовой поэзии, несмотря на разное содержание, объединены общим понятием «алтыш-йорээл» в значении «благословение, напутствие» (ср. *алкыш* - алт., *алгыс* - хак., *алгыс* - якут.). «Алгыш» - исконное тюркское слово (ср. *алкыш* - алт., *алгыс* - хак., *алгыс* - якут.), «йорээл» - заимствованное у монголоязычных народов (ср. *юрөөл* - бурят., *ероол* - мопг.). Видимо, изначально слово «алгыш» означало любые словесные сопровождения обрядового действия, будь то обращения к божествам, людям и т.д. Позднее в тувинской культуре появился синонимичное первому монгольское слово «йорээл». В процессе длительного исторического развития этот термин наряду со словом «алгыш» приобрел более широкую семантику и стал обозначать все произведения обрядовой поэзии. До недавнего времени в тувинской среде для обозначения благопожеланий оба эти слова использовались как тождественные. Однако, в последние годы в научных изданиях и обыденной речи носителей культуры, чаще употребляется слово «йорээл», так как с понятием «алгыш» многие связывают шаманские призывания. В данной работе для обозначения жанра благопожеланий использован термин «йорээл».

На основе анализа всего имеющегося материала было установлено, что в обрядовой поэзии тувинцев выделяются следующие пять самостоятельных жанров: заклинание (*чалбарыг*), благопожелание (йорээл), восхваление (мактал), скотоводческие заговоры (*мал алзыры; хей-оорга, молдурук алгаары*), проклятие (*каргыш*). Критериями в разграничении жанров послужили следующие признаки: обрядовая функция, композиционная структура и адресная направленность. Все эти жанры обрядовой поэзии объединяет и ряд общих признаков: глубокая вера в магию слова; исполнение во время обрядовых действий; свободная стихотворная форма; определенный набор стилизованных изобразительных средств. Однако каждому из этих

жанров свойственны специфические особенности, что дает основание отнести их к различным жанрам.

Известно, что в обычаях и обрядах всех народов магическое слово не отделимо от ритуальных действий, совершаемых отправителями обряда. Поэтому, чтобы понять семантику того или иного текста, необходимо рассмотреть слово и действие в единстве, определить их роль в совершении ритуала, выявить мифоритуальные истоки каждого обрядового действия. Р.А. Султангареевой, считающей, что «исследование обрядовой поэзии невозможно без уяснения смысла тех или иных эпизодов, ритуальных действий, являющихся первичными по отношению к словесно-поэтическому компоненту обряда» [1].

В тувинской культуре, в зависимости от функциональной направленности проводимых обрядов, за ними были закреплены определенные (в структурном и тематическом плане) жанры обрядовой поэзии. Традиционным культовым обрядам соответствуют заклинания (*чалбарыглар*), семейно-бытовым и календарным – благопожелания (*йөрээлдер*), спортивным состязаниям -восхваления (*макталдар*).

Видное место в обрядовом фольклоре тувинцев занимают заклинания-*чалбарыглар*, основная цель которых заключается в воздействии через магию слова на силы природы, а также на сверхъестественных существ.

Тувинцы, как и другие тюрко-монгольские народы, обожествляли окружающую природу и верили, что все объекты имеют своих духов хозяев (тув.- ээ; монг. –элсен; алт. -ээ), которые не имели собственных имен. К ним они относились с почтением и благоговением, их старались умилостивить жертвоприношениями, в их честь устраивали обряды. На ранней стадии своего возникновения слова, сопровождающие эти ритуалы, может быть, были примитивными, но они явились первоначальными образцами народно-поэтического творчества.

Заклинания неизменно сопровождали каждый обряд поклонения. Их произнесение являлось одним из обязательных звеньев проводимого обряда. Они были, по представлениям древних людей, при покровительстве духов-хозяев могучим орудием против стихийных бедствий, болезней, помогали в осуществлении желаний и чаяний. Заклинания исполнялись ради достижения жизненно важных целей: 1) для испрашивания милости и покровительства; 2) для устранения возможных бед, напастей и других нежелательных явлений, когда они случались; 3) для обеспечения счастья и удачи в промысле.

В заклинаниях люди обращаются к сверхъестественным существам, различным духам-хозяевам, природным стихиям и т.д., полагая, что именно от их благосклонности зависит вся их дальнейшая жизнь и удача в любом деле. Сам же человек выступает только в роли пассивного просителя.

Например, больной человек к духу-хозяину минерального источника обращался с таким заклинанием, в котором спросил избавить его от недуга:

Аарым ашталзын,
Ал дым, моцун аржааным!

Пусть очистится моя болезнь,
Золотой, серебряный мой
целебный источник!

Човуланым чоттунзун,
Чонцум мактаар аржааным!

Пусть сотрется мое мучение,
Восхваляемый народом мой
целебный источник!

(здесь и далее переводы автора) [2]

Особая роль в семей] ю-бытовых и календарных обрядах отводилась благопожеланиям (*йорээлдер*), как одному из оригинальных и доминирующих жанров тувинского народного устно-поэтического творчества.

Роль благопожелания как обрядового слова в процессе ритуалов и праздников была огромной. Слова и действия каждого обряда, выступая как части единого целого, дополняя друг друга, соотносились с главной идеей ритуала - обеспечение всяких благ адресату. Поэтически-красочно «оформляя» обряд, благопожелания демонстрируют веру человека в магию доброго слова, т.е. «настраивают» человека на самое лучшее, выражают позитивные мысли. Они как вербальные компоненты обряда в какой-то мере интерпретируют смысл тех или иных обрядовых действий, в основе которых заложены мифологические представления древних людей.

Благословителями (*йорээлчи*) могли выступать люди среднего и пожилого возраста. И это вполне понятно, так как по традиционным представлениям тувинцев человек, имеющий собственный жизненный опыт, произнося благословение, направлял молодых на правильный путь жизни, наставлял нравственным принципам своего общества.

Например, в цикле свадебных обрядов одним из наиболее интересных является обряд благословения повой юрты молодоженов.

По народным воззрениям считалось, что молодожены, как и все новое, неокрепшее и молодое, больше подвержены влияниям злых сил. Поэтому, чтобы оградить их от возможных несчастий, а также, чтобы благословить первое жилье молодых, произносились специальные благословения в честь новой юрты. Важное значение в данном обряде отводилось благопожеланиям о семейном благополучии. Благопожелание-*йорээл* произносил почетный старик, называя и смазывая куском вареного курдюка самые значимые для жизни места юрты:

Аьш-чемнм болдуруп турар,

Создающего пищу-еду,

От бурганны мыйлаацар!

Огонь-божество благословите!

Дээр-биле демейлеп кылган,

С небом сходно сделанный

Тоонаны мыйлаацар!

Остов [юрты] благословите!

Чыраа ыяш-биле чазаан,

Из ивы выструганную

Дугурук-дербелчин хананы мыйлаацар!

Кругло-квадратную стену

благословите!

Тон-хеп чыпап чуькту мыйлаацар!	Вьюк, сложенный из одежды, благословите!
Эт-бараан шыгжаар, Апгараны мыйлаацар!	Где вещь-товар хранятся, Сундук благословите!
Арага-хымыс белеткээр, Доскаарны мыйлаацар!	Где араку* - кумыс готовят, Бочку благословите!
Аьш-чем белеткээр, Паш-хымыш салыр, Улгуурну мыйлаанар!	Где пищу-еду готовят. Чашу-ковш ставят, Посудную полку благословите!
Унер кирерин Айтып берип турар эжиктн, Хой; дугу-биле ээргеш, Хураган дугу-оиле чурагаилаан,	Вход-выход Указывающую дверь, Из овечьей шерсти скрученную, Шерстью ягненка орнаментированную, Кровлю юрты благословите! [2]
Дээвирни мыйлаацар!	

Как видим, с помощью продуцирующей магии путем выполнения таких обрядовых действий, как смазывание жиром всех основных частей юрты и благословение предметов быта, в ней находящихся, обеспечивалось призывание достатка и благополучия для будущих хозяев. В тексте употребляется диалектное слово *мыйлаацар* в значении 'помилуйте, благословите', характерное тувинцам, живущим на юге Тувы.

В тувинском обществе проведение любых коллективных обрядов и праздников не обходилось без спортивных игр: борьбы – *хуреш* и конных скачек – *аьт чарыжы*. Они составляли заключительный этап любого проводимого обряда.

Эти спортивные игры были самыми распространенными и массовыми видами национальных состязаний. Восхваления являются одним из основных словесных компонентов, сопровождающих такие состязания. Они отражают образное видение народом прекрасного, веру людей в магию доброго слова. Как неотъемлемая часть состязаний, восхваления борцов и скакунов у тувинцев имели ритуально-магическое значение. Объем и поэтика *мактала* зависели от мастерства самого исполнителя.

Макталы в спортивных состязаниях подразделялись на следующие тематические группы: 1) призывание борца – *моге кыйгырары*; 2) восхваление победившего борца – *шуулген могони мактаары*, 3) восхваление победившего скакуна – *эрткен аьтты мактаары*. По форме произнесения восхваления исполняются напевным речитативом. Цель *макталов* в составе спортивных состязаний состояла в том, чтобы путем прославления достоинств и качеств борца призвать его на борьбу (*моге кыйгырары*), поднять его дух и эмоциональный настрой, вдохновить на победу

* арака-молочный алкогольный напиток, который перегоняется из кислого молока

и потом вознаградить победившего борца (*шуулген мөгеге мактал*) и скакуна (*эрткен аьтка мактал*) высоким поэтическим словом.

Вот как звучит одно из призываний известного борца (*моге кьыгырары*):

Улуг Чааны ундуруңер!	Великого Слона* вызывайте!
Кадыг эьтке харбас мөге,	Жестким мясом борец не
	подавится,
Калбак дашкатайбас мөге,	О широкий камень борец не
	спотыкается,
Туткан холу какпа дег,	Рука, хватает как капкан,
Турган боду орҗен дег	Сам стоит, как [вбитый] кол.
Хөлчук дег ала караан	Пестрые глаза, как озеро,
Көре каап, шийип каап,	То открывая, то закрывая,
Он, холун бурунгаар сунуп,	Правую руку, вперед
	вытягивая,
Солагай холун сонгаар сунуп,	Левую руку, назад отводя,
Адак соонда,	Наконец-то,
Агып-дагып көтүп,	Показываясь издалека,
Көктүг черни хөлбеннедир	Зеленую землю, колебля,
Көк дээрни хөлбейтир	Синее небо, колыша,
Девип-давып үнүп келди!..	С танцем орла** - выходит!..[3]

Только после таких призываний (*моге кьыгырары*), борцы-соперники выходили на поле с разных сторон в сопровождении секундантов. Потом оба борца представляли себя зрителям, исполняя танец орла. «Их походка, приседания, взмахи руками, похлопывание себя по бедрам имитируют полет мифической птицы Гаруды. Это как бы форма представления зрителям, которые радостно приветствуют поселение борца» [4].

В русской фольклористике под заговорами понимаются словесные формульные тексты. В отличие от заговоров славянских народов, в фольклорных традициях многих тюрко-монгольских этносов (алтайцев, хакасов, бурят, монголов и др.) широко распространены **скотоводческие заговоры**, которые представляют собой только звуко-символические слова (термин Н.М. Кондратьевой). В устно-поэтическом творчестве тувинцев скотоводческие заговоры состоят из двух видов: 1) заговоры, исполняемые при обрядах приучения матки животного к приплоду - *мал алзыры*; 2) заговоры, посвященные атланту и последнему поясничному позвонку домашних животных (*молдурук, хей-оорга алгаары*), которым тувинцы придавали магические свойства.

Приучение детенышей домашних животных к самкам, на наш взгляд,

* титул побеждавшего борца

** ритуальный танец борца до и после борьбы

является одним из древнейших видов заговоров. Они, играя важную роль в животноводческой традиции, не имеют поэтического текста, а состоят только из звуко-символических слов, оказывающих успокаивающее воздействие на маток животных. Их исполняли преимущественно женщины в тех случаях, когда матка не подпускала своего детеныша к себе и отказывалась его кормить или, когда матка новорожденного погибала, и нужно было приучить оставшегося детеныша к другой особи, тем самым, спасая молодняк. В зависимости от породы домашних животных у тувинцев заговоры приучения матки животных к приплоду (*мал алзыры*) бывают нескольких видов и имеют свои названия: «приучение овцы к ягненку» (*хой алзыры*), «приучение козы к козленку» (*ошку алзыры*), «приучение коровы к теленку» (*инек алзыры*), «приучение кобылицы к жеребенку» (*бе алзыры*), «приучение верблюдицы к верблюжонку» (*теве алзыры*). Однако выполняемые обрядовые действия были всегда одинаковыми независимо от породы домашнего животного, хотя звуко-символические слова были подражаниями издаваемым разными животными звуковым сигналам. Приучали овец словами «тфо-тфо», или «тпро-тпро», коз «чу-чу», коров «хоог-хоог», кобылиц «кру-кру». Таким образом, каждой отдельной породе домашних животных предназначены свои специальные слова, которые являются постоянными и неизменными.

В обрядах, посвященных увеличению количества скота, главными вербальными компонентами являются заговоры, которые представляют собой поэтические тексты. По тувинским поверьям, животные имели *кут* - жизненную силу, душу. А забитая скотина могла увести за собой *кут* всего скота. У домашних животных она находилась в атланте и поясничном позвонке, поэтому было необходимо сохранить эти кости в целостности - для содействия и дальнейшем «оживлении» животного. С этой целью после забивания домашнего скота и поедания мяса с названных костей проводились специальные обряды, способствующие призыванию *кут* животных.

Рассмотрим наиболее типичный образец этих заговоров.

Атлант (*молдурук*) преподносили человеку, забившему скотину. После съедания мяса с этой кости, он должен был воткнуть в его отверстие несколько травинок и кусочков сала. На наш взгляд, в данном случае усочки сала символизировали богатую жизнь, а травинки неисчислимое умножение поголовья скота. После этого атлант сжигали на костре, произнося заговор:

1. Согоар дээш сокпадым,
2. Сояагып-соаягып өлдүн.
3. Олурср дээш олурбедим,
4. Өдээнге оедип олдүн.
5. Соккан черинден
6. Шокар бызаа үнзүн!
7. Өлүрген черинден

Ударяя, не хотел я убивать,
Ты сам умер от тяжкого изнурения.
Не хотел я убивать, чтобы убить,
Ты сам умер от голода-истощения.
На том месте, где закололи,
Пусть родится пестрый теленок!
На том месте, где резали,

8. Оле бызаа үнзүн!

Пусть родится сивый теленок! [5].

Как видно из примера, заговор состоит из двух частей. Первая часть (строки 1-4) содержит мотивы самооправдания и извинения перед животным. Оправдываясь, человек, проводящий обряд, тем самым заглаживает свою вину перед животным, а также хочет обезопасить себя от гнева убитого им существа. Доказывая свою непричастность к убийству, он тем самым убеждает себя в том, что животное умерло своей естественной смертью.

Вторая часть (строки 5-8) состоит из пожелания на будущее, а именно говорящий призывает душу (*кут*) животного в свое стойбище, что и является основной целью всего обряда. Пожелание носит явно заклинательный характер. Однако обе части преследуют одну общую цель: желание скотовода-кочевника воскресить убитое животное, увеличить свое поголовье скота.

Проклятия (*каргыштар*) являются бинарной оппозицией по отношению к благопожеланиям (*йорээлдер*). Основная функция проклятий заключается в том, чтобы нанести вред проклиняемому, наслав па него всевозможные бедствия. Проведение обряда проклятий *-каргыш салыры* – имеет несколько разновидностей, которые называются по совершаемым действиям проклинателя: *довурак чажары* – «рассыпание песка», *куске хоорары* – «каленье живой мыши», *кызыл-калдар ыт ханы чажары* – «разбрызгивание крови красно-мухортой собаки», *дукпүртүнери* – «сплевывание». Эти четыре способа являлись наиболее частыми магическими действиями, сопровождавшими произнесение проклятий. Нами записан редкий обряд проклятия, называемый *хой кежи сояры* – «снятие шкуры с живой овцы», который действительно во время произнесения текста должен был сопровождаться этим ритуалом. По композиционной структуре проклятия состоят из одного смыслового блока: компонента негативного пожелания. Попытаемся описать проведение обряда проклятия, записанного от информатора К-Д.Т., который называется *куске хоорары* – «каленье живой мыши». Человек, который хотел провести данный обряд, должен был найти живую мышку. Эту мышку клал в горячий котел, стоявший на огне. Не дав ей оттуда выбежать, мышку калили на огне, от чего та умирала. И в это время, проклинатель-*каргышчы* произносил страшные слова проклятия. Текст данного обряда нами был обнаружен в Рукописном фонде ТИГИ. Проклятие адресовано вору, похитившему скот:

Мээң соом сонназын.

Мээн изим истезип.

Мээн чувем чигген соятча

Үре-төл чок сывы кургазын.

Ажы-төлүн,

Алган кадайын,

Пусть идет моей дорогой.

Пусть идет по моим следам.

Съевший мое, проклятый,

Без детей пусть засохнет.

Его детей,

Жену,

Алдынга бассып.
 Чааскаан чорзун.
 Согур чорзун.

Земля пусть придавит.
 Пусть останется один.
 Пусть останется слепым. [6]

Первые две строки мыслятся как слова мыши. Ее мученическая смерть должна настичь адресата проклятия. Далее, как видно из текста, проклиняемому человеку до того, как он умрет, желали всякого зла.

Следует сказать, что проклятия бытовали и бытуют до сегодняшнего дня. Но по сравнению с другими жанрами, *каргыштар* в фольклорной традиции тувинцев существуют как бы «подпольно», являясь самым потаенным жанром. Информанты очень неохотно делятся своими знаниями по этому вопросу. В материалах, записанных в Туве, есть четыре текста проклятий. Их количество объясняет менталитет тувинцев, в сознании устоялась мысль о греховности сознательного словесного нанесения вреда любому. Это связано и с религиозным буддийским мировоззрением тувинцев, согласно которому любое живое существо священно.

Произведения обрядовой поэзии обладают красочным народно-поэтическим языком и изобилуют разнообразными художественно-образительными средствами. Здесь каждое слово отшлифовано, семантически насыщено, функционально упорядочено и выразительно. Именно с помощью широкого применения поэтических тропов достигается образность, лаконичность и красочность фольклорно-обрядовых произведений. С.Г. Лазутин считает, что «для различных жанров фольклора наиболее характерны те или иные образительно-выразительные средства, тропы» [7]. Это наблюдение можно отнести и к жанрам тувинского обрядового фольклора, с одной стороны, пользующегося типологически сходными, языковыми и стилистическими приемами, а с другой - использующего их для разных функциональных целей. Все жанры обрядового фольклора заклинание, благопожелание, восхваление в структурном плане представляют монологи-обращения, имеют конкретного адресата, обладают устойчивой формой.

В большинстве случаев заклинания начинаются с обращения к духу-хозяину и восхваления его достоинств. Это связано с существовавшим народным поверьем, что перед просьбой обязательно необходимо «усладить слух» божества, красочно представить его достоинства. Затем следует описание жертвоприношения, сделанного духу-хозяину. Только после такого «умилостивительного» вступления человек, произносящий заклинание, излагал свою просьбу. В некоторых случаях, хотя словесный рассказ о жертвенных дарах отсутствует, само же обрядовое действие обязательно исполняется. Структурно заклинания могут состоять из трех, двух, или одного блока, но постоянным компонентом является изложение просьбы.

Благопожелания и восхваления состоят только из одной части. Для благопожеланий-*йорээлов* характерно выражение добрых пожеланий

конкретному человеку, проникнутых верой в его счастливое будущее. Исследователь Х. Сампилдэндэв указывает, что "монгольские еролы состоят из зачина, кульминационной части и концовки" [8]. Такая композиционная структура для тувинских благопожеланий, как и для восхвалений, не характерна.

Каждый из обрядовых жанров характеризуется лексико-интонационными особенностями. Восхваления призваны обратить внимание зрителей на лучшие качества того, кого они прославляют в данный момент. Поэтому они состоят только из хвалебных слов и перечня их достоинств.

Основная канва, каноническая структура текстов во всех обрядовых жанрах сохраняется. Однако в них отчетливо проявляется и вариативность - тексты могут быть короткими или длинными, в зависимости от мастерства исполнителя.

Заклинание имеет ярко выраженный просительный тон, так как человек устанавливает контакт с духом-хозяином и обращается к нему с определенной просьбой. Уничижительные самохарактеристики, к примеру, *самдар чолдак хептиг мен* 'я в старой рваной одежде'; *аштадым, суксадым* 'изголодавшийся, жаждущий'; *эледим, түредим* 'измучившийся'; *яды-мочу улус бис* 'мы бедные-нищие люди' в текстах заклинаний сосуществуют с архаичной лексикой высокого стиля (*оршээнер* - 'смилуйтесь'; *хайырлаңар* - 'помилуйте'; *чашадыңар* - 'отведите [беду]') и использованием в монологе глагольной формы 2-го лица множественного числа (*силер* - вы), подчеркивающей уважительное отношение к духу:

Аштаан ботту тоттуруңар,
Адым-холум могоатпаңар,
Алдын тандым,
Авыраңар, өршээнер!

Меня, голодного, насыщайте,
Мою лошадь не утомляйте,
Моя золотая тайга,
Помогите, помилуйте! [9].

Основная канва, каноническая структура текстов во всех обрядовых жанрах сохраняется. Однако в них отчетливо проявляется и вариативность - тексты могут быть короткими или длинными, в зависимости от мастерства исполнителя.

Каждый обрядовый поэтический текст составляет сложное синтаксическое целое, объединенное одной общей темой, соответствующей функциональной направленности жанров. Поскольку они бытуют в стихотворной форме, то и употребление глаголов в каждом жанре отличается некоторым своеобразием. Рассмотрим особенности употребления грамматических глагольных форм.

В заклинаниях, главным образом, употребляются простые глаголы, имеющие семантику «прошения и дароподиошния»: *чалбарыыр* «просить милости», *чажар* «окроплять», *тейлээр* «молиться», *өргүүр* «преподносить», *хайырлаар* «миловать, дарить». Они в текстах указывают на преклонение человека перед сверхъестественными силами, его просьбу о чем-либо,

ундүрүндер! 'На поединок борца выпускайте!'; *Улуг Чаанны ундүрүңер!* 'Великого Слона выпускайте!'

Особую роль в благопожеланиях и восхвалениях играет сравнение. Этот троп в их поэтике довольно устойчив. Многие сравнения практически стали формульными (*Хая дег эттиг болзун, хараши дег малдыг болзун!* - «Подобно скале, имущества пусть будет, подобно караганнику, скот пусть будет!»).

Сравнение усиливает эмоциональную окраску стиха, подчеркивает его главную мысль. Формообразующую роль в сравнениях играют союзы *дег* «как», *ышкаш* - «словно», *долган* - «подобно». Объект сравнения сопоставляется с конкретными явлениями окружающего мира, наиболее близкими и понятными слушателям. В благопожеланиях в качестве сравнения используются животный и растительный мир, эталонные имена буддийских божеств, сказочно-мифические названия гор, характерные для сказок и эпоса. При восхвалении борцов их уподобляют животным и птицам, которые в народном понимании олицетворяют силу и ловкость. Основной функцией сравнений в жанрах благопожеланий и восхвалений является создание зримого восприятия слушателями чувственных образов. Кроме того, сравнения могут также указывать на количество, размер и форму. В заклинаниях, в отличие от благопожеланий и восхвалений, сравнения почти не встречаются. В народном понимании, по-видимому, считалось, что человеку сравнивать могущественных духов-хозяев с кем-либо или с чем-либо грозит опасностью. В заклинаниях из поэтических тропов активно используются иносказания и эпитеты.

Эпитеты можно считать самым характерным поэтико-стилевым признаком для всех жанров обрядового фольклора. В основном преобладают постоянные эпитеты (*алдын* «золотой», *мөңгүн* «серебряный», *авыралдыг* «благодатный» *хайыралыг* «милостивая» и т.д.). Разнообразные цветочные эпитеты, встречающиеся во всех жанрах (*ак* «белый» - в значении «священный», «чистый», *алдын* «золотой» - в значении «богатый», *кызыл* «красный» - в значении «красивый», «прекрасный» и т.д.) передают богатую цветовую гамму природных реалий и являются метафорическими. В восхвалениях масти коней характеризуются сложными эпитетами: *кара-хурен* «темно-коричневый», *кара-доруг* «темно-гнедой» и т.д. В этом же жанре часто с помощью метафорических эпитетов дается положительная характеристика борцам и скакунам (*тулган дыыжы кулактарлыг* - «с чуткими ушами»; *каң дуюгдуг* - «со стальными копытами»). В жанре благопожеланий в большинстве случаев встречаются оценочные эпитеты (*чараши кежээ кыс* «красивая трудолюбивая дочь»; *алгыг чаагай чайлаг* «широкое, красивое летнее стойбище»). Если в героическом эпосе тувинцев эпитеты служат характеристикой достоинств главного героя (*эгинниг кижитутчуп шыдавас* «плечистый человек не сможет одолеть [его]»), то во многих благопожеланиях с помощью этого же эпитета адресату желают иметь подобные качества.

Прием гиперболизации наиболее характерен для восхвалений. Это связано с функциональной задачей самого жанра: красочно описать лучшие из достоинств борцов и скакунов. В этом жанре употребляются такие же гиперболизированные характеристики, которые описывают богатыря и его коня в эпосе монголоязычных и тюркоязычных народов (*Дуктуг даванныга четтирбес, / Чүглүг кудуруктугга баитатпас* - «Шерститоногим [зверям] его не догнать, / Хвостатым пернатым не быть впереди его»). Применение гипербол в восхвалениях призвано идеализировать прославляемый объект, выявить наиболее характерные отличительные черты. Гиперболические формулы используются и в благопожеланиях, чтобы полнее выразить основные мысли доброго пожелания (*Азыраан малы / Аал сынмас болзун! / Эдилээн эди / Эгин ажыг болзун!* - Выращенный скот / Пусть не вмещается во дворе! / Нажитого добра / Выше плеч пусть будет!)

В народной поэзии метафора считается одним из наиболее продуктивных стилистических приемов. Однако в исследуемом материале можно отметить только метафорические олицетворения в заклинаниях, так как древний человек с его мировосприятием «оживотворял» весь окружающий мир. Например, к духу-хозяину минерального источника обращаются с заклинанием: «*Човулаңым чоттундурун бер, аарым арылдырын бер*» - «Сотри мое мученье, очисти мою болезнь».

Для тувинской обрядовой поэзии характерно использование и такого нелюбленного средства фольклорной изобразительности как иносказание. Оно широко представлено в охотничьих заклинаниях, где дается описательная характеристика зверей, их внешнего облика и повадок, поскольку у тувинцев название зверей было табуированным (*Сорар чаглыындан, / Чодур мыйыстыындан...* - «Имеющего жирное мясо, имеющего ветвистые рога...»). К иносказанию прибегают и в благопожеланиях, где оно становится емким изобразительным приемом, ярко проявляющим народно-поэтическую фантазию. Например, с помощью следующих иносказаний молодоженам желали быть хозяевами многочисленного скота и нажитого добра: *Хову кежер доозуннуг болзун! / Арт ажарда бараанныг- болзун!* - Переходя степь, пусть пыль поднимают! / Переходя передал, пусть вьюк имеют! .

Рассмотрение поэтики обрядового фольклора позволяет сделать вывод о том, что язык анализируемых жанров богат и разнообразен по лексическому составу, а также по использованию различных средств художественной изобразительности. Каждый, обрядовый жанр, имея свою прагматическую направленность, достаточно избирателен в отборе действенного, образного слова.

Обрядовая поэзия играла и играет важную роль в жизни тувинцев. В ней утверждается принятая этническая система ценностей, поддерживаются и

санкционируются определенные нормы поведения. Главное их назначение состоит в том, что они устанавливают и поддерживают гармонию между природой и человеком, гармонию в человеческом обществе. Можно констатировать, что произведения обрядового фольклора были и остаются важнейшей частью традиционной культуры этноса.

В обрядовой поэзии тувинцев отчетливо прослеживаются генетические культурно-исторические связи с фольклором тюрко-монгольских этносов: алтайцев, бурят, хакасов, якутов, калмыков, монголов. У всех этих народов до сих пор широко бытуют эти архаичные жанры обрядового фольклора, которые имеют сходства и параллели. Их обрядовые и магические функции композиционная структура текстов, поэтика во многом удивительно схожи. Совпадают многие устойчивые формулы, тематические группы. Это можно объяснить многовековыми историко-культурными контактами, схожими условиями жизни и быта, общностью духовной и материальной культуры. Поэтому народные принципы, мировосприятие и идеалы выражались и схожих благопожеланиях, заклинаниях, скотоводческих заговорах, восхвалениях. Здесь особо надо отметить, что у всех тюркоязычных народов Сибири жанр восхвалений, посвященных борцам и скакунам, в обрядовом фольклоре отсутствует. Наличие восхвалений у тувинцев, на наш взгляд, обусловлено несомненным влиянием близкого соседства с монголоязычными народами (бурятами и монголами). По сравнению с восхвалениями (*соло, магтаал*) бурят и монголов тувинские восхваления имеют меньший объем.

Таким образом, по-нашему мнению, к исследованию обрядовой поэзии применим комплексный подход, рассматривающий слово и действие, в единстве, так как без описания этнографической стороны, невозможен анализ вербальных текстов того или иного ритуала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа, 1998. С 15.
2. РФТИГИ, т. 75, д. 315
3. РФТИГИ, т. 265, д. 1092
4. Жуковская Ы.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика - М., 2002. -С.75
5. РФТИГИ, т. 75, д. 257
6. РФТИГИ, т. 57, д. 253
7. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. - М, 1989. -С.86
8. Сампилдэндэв Х. Обрядовая поэзия монголов // Автореф. На соиск. уч.ст. д.ф.н. - Улан-Удэ, 1993.-С.17
9. РФТИГИ, т. 39, д. 168

RESUME

Yusha Zhanna (Novosibirsk)

Ritual Poetry of Tuva people. Structure and Semantics

The article deals with the structural features of Tuva poetry. The author tries to prove that it is similar with neighbor Hakas, Buryat, Yakut, mongil peoples' folklore poems and it is based on the traditions, religion and customos.